

УИЛЬЯМ

ГОЛДИНГ

НАСЛЕДНИКИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Уильям Голдинг

Наследники

«Издательство АСТ»

1955

УДК 821.11131
ББК 84(4Вел)44

Голдинг У.

Наследники / У. Голдинг — «Издательство АСТ»,
1955 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

«Наследники» – второй и самый любимый, по признанию Голдинга, его роман, в котором получили развитие его размышления о происхождении зла, впервые прозвучавшие в «Повелителе мух». Плейстоцен, 40 000 лет до нашей эры. Племя неандертальцев, которые лишь недавно научились использовать огонь и примитивные инструменты и только-только осваивают речь, сталкивается с племенем людей, стоящих на следующей ступеньке эволюции, – людей с поразительно изощренным умом и удивительной ловкостью...

УДК 821.11131

ББК 84(4Вел)44

© Голдинг У., 1955
© Издательство АСТ, 1955

Содержание

Один	6
Два	15
Три	21
Четыре	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Уильям Голдинг

Наследники

William Golding
THE INHERITORS

Печатается с разрешения издательства Faber and Faber Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© William Golding, 1955
© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Эни

...Мы, в сущности, почти ничего не знаем о том, как выглядел неандерталец, но всё... дает основание предполагать, что он был покрыт густой шерстью, уродлив с виду или даже омерзителен в своем непривычном для нас облике, с покатым и низким лбом, густыми бровями, обезьяньей шеей и коренастой фигурой... Сэр Гарри Джонстон в своей обзорной работе о происхождении современного человека «Изложения и переложения» утверждает: «Смутная память о таких гориллоподобных чудющах, с их изворотливым умом, неуклюжей походкой, шерстистыми икурами, крепкими зубами и, вероятно, каннибальскими вкусами, быть может, и породила образ людоеда в народном творчестве...

Г. Д. Уэллс. Очерк истории

Один

Лок бежал во всю прыть. Он пригнул голову и держал терновую палицу над землей, чтоб лучше сохранять равновесие, а второй, свободной рукой разметывал рои трепетно витающих почек. Лику со смехом скакала на нем, одна ее рука вцепилась в каштановые завитки, которые густились у него на загривке, сползая книзу по хребту, другая же прижимала к его шее малую Оа. Ноги Лока были сообразительны. И они видели. Они сами несли его в обход обнаженных, торчащих корней меж буковыми деревьями, сами перепрыгивали там, где вода лужами лежала поперек тропы. Лику колотила его пятками в брюхо.

– Быстрей! Быстрей!

Но его ноги стали упираться, он свернул и замедлил бег. Теперь они оба услышали реку слева близ тропы, еще невидимую глазу. Буки здесь поредели, кустарник отступил, и прямо перед ними оказалась хлюпкая, ровная болотина, где раньше всегда было бревно.

– Вот, Лику.

Агатистая болотная вода лежала перед ними и простиралась вбок, в сторону реки. Тропа вдоль нее убегала дальше на той стороне, где подымался склон, а потом исчезала меж деревьев. Лок радостно ухмыльнулся, подступил к воде еще на два шага и замер. Ухмылка на его лице потускнела, и он разинул рот так широко, что нижняя челюсть отвисла. Лику соскользнула к нему на колено и спрыгнула наземь. Она поднесла головку малой Оа к губам и глядела поверх нее.

Лок засмеялся от растерянности.

– Бревно ушло.

Он зажмурил глаза, нахмурился и увидел бревно. Тогда оно лежало поверх воды одним концом по эту, а другим по ту сторону, серое и трухлявое. А когда добежишь по нему до середины, почувствуешь, что под тобой всплескивает вода, ужасная вода, местами очень глубокая, мужчине по самые плечи. Вода эта не была бессонной, как река или водопад, она теперь спала, лежа у реки, но справа просыпалась и текла по пустынным топям, чащобам и трясинам. Так уверен был он в этом бревне, всегда верно служившем людям, что опять открыл глаза и заухмылялся было, будто спросонок, но бревно ушло.

Фа рысцой прибежала по тропе. Новый человечек спал у нее на спине. Она не боялась его уронить, потому что чувствовала, как он ручонками стискивает шерсть у нее на загривке, а ножками цепляется за щетину на спине, но все же бежала осторожно, чтоб его не разбудить. Лок слышал ее поступь еще раньше, чем сама она показалась под буками.

– Фа! Бревно ушло!

Она подошла к воде вплотную, взглянула, приняхалась, потом с укором повернулась к Локу. Говорить для нее надобности не было. Лок в ответ затряс головой:

– Нет, нет. Я не уволок бревно, чтоб насмешить людей. Оно ушло само.

Он широко развел руками, показывая, как невозвратима пропажа, увидел, что она его поняла, и опять уронил руки.

Лику позвала:

– Покачай меня.

Она тянулась к буку, где ветка торчала из ствола, понурясь, как длинная, обвислая шея, высовывалась на свет, а потом взбрасывала кверху целую охапку зеленых и еще бурых почек. Лок отвлекся от ненайденного бревна и усадил Лику на извилину. Теперь он, стоя сбоку, приподымал и наваливался, потихоньку пятясь шаг за шагом, и вот ветка хрустнула.

– Хоп!

Он выпустил ветку и шмякнулся задом оземь. Ветка мигом распрямилась, и Лику взвизгнула от восторга:

– Нет! Нет!

Но Лок стал тянуть опять, и Лику, с визгом, и смехом, и укорами, летала вместе с охапкой листков низко, почти над самой водой. А Фа поглядывала на эту воду, и на Лока, и опять на воду. Она все хмурилась.

Ха подоспел по тропе, проворно, но не бегом, у него было больше мыслей, чем у Лока, и этот мужчина выручал людей при всех и всяческих невзгодах. Когда Фа его кликнула, он отозвался, но не сразу, а первым делом глянул на осиротевшую воду, потом влево, где под сенью буков проглядывала река. Потом он прислушался и принялся к лесу, проверил, нет ли там кого, кто незвано мог туда вторгнуться, и, уже только когда совершенно уверился в безопасности, опустил палицу и стал на колени у воды.

– Гляньте!

Его палец указывал на борозды под водой, где проволоклось бревно. Закраины их были все еще отчетливы, и неразмытые комья земли лежали в загогулинах. Ха скользнул взглядом по этим загогулинам вплоть до их исчезновения в темной глубине. Фа глянула на другую сторону, откуда прерванная здесь тропа убегала вдаль. И там, в том месте, где раньше лежал дальний конец бревна, земля была разворочена. Фа молча спросила Ха, и губы его ответили:

– Один день. Может, два. Не три.

А Лику все взвизгивала и смеялась.

На тропе появилась Нил. Она слегка постанывала, как это бывало с ней от усталости и проголоди. Но хоть шкура на ее огрузлом теле одрябла, груди все равно оставались упруго налитыми, и вокруг сосков белело молоко. Конечно, проголодаться мог кто угодно, но ни в коем случае не новый человек. Нил глянула на него, увидела, что он цепко висит на шерсти Фа и спит, потом подошла к Ха и притронулась к его руке:

– Почему ты оставил меня одну? Ведь ты же видишь больше Лока внутри головы.

Ха ткнул пальцем в сторону воды:

– Я спешил, чтоб увидеть бревно.

– Но бревно ушло.

Теперь эти трое уставились друг на друга. А потом, как обычно бывало у людей, чувства их слились воедино. Фа и Нил соперничали все то, о чем Ха думал. Он думал, что должен непременно найти бревно на прежнем месте, ведь если вода забрала бревно или же бревно уплыло само, людям придется идти в обход болота еще целый день, а это означает опасности и такие тяготы, каких они еще не знавали.

Лок навалился на ветку всей тяжестью и уже не отпускал. Он утихомирил Лику, она слезла наземь и стояла с ним рядом. Старуха приближалась по тропе, они уже слышали ее шаги и дыхание, вот она обогнула последние стволы. Седая и щуплая, она брела сгорбясь, отрешенная от всего, она целиком ушла в себя и только оберегала обернутую листьями ношу, которую обеими руками прижимала к своим старческим, сморщенным грудям. Люди стояли гурьбой и встретили ее благоговейным молчанием. Она тоже не вымолвила ни слова, но с безропотным терпением ждала, что будет дальше. Она только приспустила свою ношу и сразу подняла опять, чтоб напомнить людям, как безмерно важна эта тяжелая ноша.

Лок заговорил первый. Он обратился ко всем сразу, упиваясь словами, срывавшимися с его уст, смеясь и очень стараясь насмешить остальных. А Нил опять постанывала.

Теперь они слышали на тропе последнего из людей. Это был Мал, он брел медленно и беспрерывно кашлял. Он обошел последний ствол, остановился у края пустоши, тяжело навалился на приплюснутый конец палицы и опять стал надсадно кашлять. Когда он нагнулся, люди увидели, что на темени у него давно уже вылезла седая щетина и длинная проплешина тянется от надбровья до загривка вплоть до самых плеч. Покуда он кашлял, люди ждали молча и недвижно, как выжидает настороженный олень, и ровные, зыбучие пласты земли всплывали,

расползались и завивались меж пальцев их ног. Плотное, белесое облако сползло с солнца, меж деревьев просквозил зябкий солнечный свет и окропил обнаженные тела.

Наконец Мал откашлялся. Он стал выпрямляться, налегая на палицу и медленно перехватывая ее руками. Он оглядел воду и людей, одного за другим, а они все ждали.

– Я вижу так.

Он разжал одну руку и возложил ладонь себе на темя, будто хотел удержать в голове ускользающие видения.

– Мал не старый, он висит на спине у матери. Воды много больше не только здесь, но вокруг нашей тропы. Один мужчина умный. Он велит другим взять поваленное дерево и...

Его глубоко запавшие глаза с мольбой обратились к людям, он звал их сопереживать то, что видел сам. Потом кашлянул опять, очень тихо. Старуха бережно приподняла ношу.

Ха наконец заговорил:

– Так я не вижу.

Старик вздохнул и убрал руку с головы.

– Найдите поваленное дерево.

Люди покорно разбрелись вдоль воды. Старуха отошла туда, где недавно качалась Лику, и опустила на ветку сцепленные руки. Ха крикнул первый. Они сбежались к нему и оробели, увязнув в топкой жиже. А Лику нашла какие-то ягоды, почернелые и давнишние, остатки минувшей поры, когда плодов и ягод было вволю. Мал подошел, нахмурился и стал глядеть на бревно. Это был березовый ствол не толще человеческой ляжки; он до половины утонул в воде и хляби. Кора местами встопорщилась, и Лок стал обдирать с нее разноцветные грибы. Иные из этих грибов были съедобны, и Лок отдал их Лику. Ха, Нил и Фа неумело взяли за бревно. Мал опять вздохнул:

– Стойте. Ха тут. Фа там. И Нил тоже. Лок!

Бревно легко подалось кверху. Но обломки сучьев цеплялись за кусты, когда люди тяжело волокли его к темной болотине. А солнце опять спряталось.

Когда они наконец доволокли бревно до воды, старик нахмурился и глянул на развороченную землю по ту сторону.

– Пускайте бревно плыть.

Это было хитрое и трудное дело. Как ни заноси сырое бревно, все равно приходилось замочить ноги. Наконец бревно соскользнуло на воду, а Ха нагнулся вперед и одной рукой стал налегать, а второй подталкивать. Сучковатая верхушка медленно струнулась и застряла в топкой жиже по ту сторону. Лок весело приговаривал и запрокинул голову, слова из его рта сыпались бессвязно. Никто не слушал Лока, но старик хмурился и прижимал обе ладони к голове. Другой конец бревна уже ушел под воду, примерно на глубину в два мужских роста, и там он был совсем тонкий. Ха взглядом спросил старика, а тот опять прижал руки к голове и закашлялся. Ха вздохнул и с опаской ступил одной ногой в воду. Когда люди увидели это, они сочувственно застонали. Ха ступал осторожно, морщился и кривил лицо, и люди морщились вслед за ним. Ха перевел дух, сделал над собой еще усилие, и теперь вода лизала ему колени, а руки так стискивали липкую кору на березовом стволе, что она трещала. Теперь он налегал одной рукой и подымал другую. Ствол перекатился, сучья вскружились среди густого роя палых листьев, верхушка качнулась, и вот она уже лежала близ другого берега. Ха толкал что было мочи, но одолеть раскоряченные сучья у него не достало сил. По ту сторону, где березовый ствол горбился под водой, все еще была пустота. Ха отступил назад, на сушу, под угрюмыми взглядами людей. Мал смотрел на него выжидательно и опять обеими руками сжимал палицу. Ха отошел к опушке, где тропа выходила из леса. Он подобрал свою палицу и присел. На миг он резко перегнулся вперед и чуть было не упал, но тут же ноги настигли туловище, и он понесся через пустошь. Он пробежал по бревну четыре шага, клонясь вперед все ниже и ниже, так что голова его, казалось, сейчас стукнется о колени; потом бревно взбурлило воду, но Ха

уже стремглав летел в воздухе, подобрал ноги и растопырив руки. Он плюхнулся на землю в кучу палой листвы. Потом повернулся, ухватил вершину березы и рванул на себя. Тропа через болотину была проложена.

Люди испустили крик облегчения и радости. И этот самый миг солнце почему-то избрало для того, чтоб опять выглянуть. Теперь весь мир будто бы разделял их светлую радость. Они благодарили Ха, хлопая ладонями по ляжкам, а Лок делился своим торжеством с Лику.

– Понимаешь, Лику? Бревно теперь лежит поперек воды. Ха очень много видит внутри головы!

Когда все умолкли, Мал указал палицей на Фа:

– Фа и новый.

Фа нащупала нового человечка. Ее густая грива прикрывала его полностью, и люди не увидели ничего, но ручонки и ножки цепкой хваткой сжимали непокорные завитки ее шерсти.

Фа подступила к самой воде, растопырила руки, ловко побежала по стволу, спрыгнула с верхушки и стала рядом с Ха. Новый проснулся, глянул через ее плечо, одной ножкой перехватил завиток шерсти и опять заснул.

– Теперь Нил.

Нил нахмурилась, сдвинула брови. Она откинула назад завитки над глазами, пригласила их, страдальчески сморщилась и побежала по бревну. Руки она воздела высоко над головой и на середине бревна стала выкликать:

– Аи! Аи! Аи!

Бревно начало прогибаться и увязать в топком дне. Нил добежала до тонкой верхушки, высоко подпрыгнула, ее туго налитые груди всколыхнулись, и вдруг она оказалась по колено в воде. Она взвизгнула, выволокла ноги из трясины, ухватила за протянутую руку Ха и долго потом тяжело дышала и содрогалась уже на твердой почве.

Мал подошел к старухе и сказал смиренно:

– Теперь хочет ли она перенести это туда?

Старуха была так глубоко погружена в себя, что едва проглянула сквозь свою отрешенность. Она побежала к воде, все так же держа сцепленные руки у груди. Была она тощая, кожа да кости и местами редкие седые волосы. Когда она проворно одолевала болотину, березовый ствол едва шелохнулся в воде.

Фа наклонилась к Лику:

– Теперь пойдешь ты?

Лику вынула изо рта малую Оа и потерлась густыми рыжими завитками о бедро Лока.

– Хочу с Локом.

От этого у Лока внутри головы будто засияло солнце. Он широко разинул рот, и смеялся, и приговаривал, обращаясь к людям, хотя обрывочные видения, мелькавшие в его голове, едва ли соответствовали тем словам, которые сыпались изо рта. Он видел, как Фа ответно смеется над ним и даже Мал невесело улыбается.

Нил предостерегла:

– Осторожно, Лику. Держись крепче.

Лок дернул Лику за рыжий завиток.

– Лезь.

Лику ухватила за его руку, одной ногой уперлась ему в колено и легко взобралась вверх по завиткам на хребте. Малую Оа она держала в теплой руке и пристроила снизу к его шее. Она крикнула:

– Есть!

Лок отошел назад к тропе под буками. Он исподлобья глянул на воду, начал разбег, но тут же остановился. Люди по ту сторону воды засмеялись. Лок забегал взад и вперед, но всякий раз осаживал себя у самого бревна. Он кричал:

– Смотрите, какой Лок могучий прыгун!

Гордясь собой, он ринулся вперед, но опять, уже не гордясь, присел и повернул назад. Лику подскакивала у него на спине и визжала:

– Прыг! Прыг!

Голова ее моталась по его темени. Наконец он подошел к воде и, как Нил, высоко воздел руки.

– Аи! Аи!

Теперь даже Мал ухмылялся. Лику захлебнулась смехом и умолкла, из глаз ее капала вода. Лок спрятался под буком, а Нил от смеха хваталась за грудь. Потом Лок опять выскочил. Он ринулся вперед, пригнув голову. По бревну он пробежал с зычным криком. Потом прыгнул, очутился на суше, повернулся одним скачком и долго еще скакал и потешался над побежденной водой, покуда Лику не стала икать у него над ухом, а остальные только хватались друг за друга.

Наконец они утомонились и Мал шагнул вперед. Он кашлянул, глянул на людей и робко скривился:

– Теперь Мал.

Он держал палицу поперек для равновесия. Вот он взбежал на ствол, и его стариковские ноги цеплялись и ослабевали. Он стал перебираться, кругообразно помахая палицей. Ему не хватило разбега, чтоб перебраться благополучно. Люди увидели, как страдание выразилось у него на лице и он ощерил зубы. Потом одна его нога сорвала большой кусок коры и оголила луб, а перескочить он не успел. Вторая нога оскользнулась, и он повалился ничком прямо в воду. Он рванулся вбок и сразу исчез в мутном бурливом омуте. Лок забегал взад и вперед, крича во все горло:

– Мал в воде!

– Аи! Аи!

Ха шел вброд и страдальчески скалился от холодного прикосновения воды. Он выловил конец палицы, а Мал крепко держался за другой конец. Потом Ха ухватил запястье Мала, и они оба стали барахтаться в болотине, будто боролись меж собой. Мал высвободился и на карачках прополз вперед, к суше. Там он спрятался от воды за толстым стволом бука, лег, скорчился и весь дрожал. Люди тесно обступили его. Они присели и терлись об него телами, они сплели руки, чтоб защитить и приютить его. Вода с него уже стекла, и на шкуре оставались лишь мелкие капли. Лику проскользнула в середину и прильнула животом к его голениям. Только старуха все ждала недвижно. Люди плотно окружали Мала и сопереживали его дрожь.

Лику сказала:

– Хочу есть.

Люди вокруг Мала расступились, и он встал на ноги. Он все еще дрожал. Дрожь эта не просто подергивала шкуру, но пронизывала насквозь, так что палица у него в руках ходила ходуном.

– Идем.

Он пошел вперед по тропе. Здесь было больше простора меж деревьев, и на этом просторе много кустов. Вскоре они вышли на прогалину, которой еще до своей смерти завладело огромное дерево, прогалина эта подступала почти вплоть к реке, а скелет дерева все еще торжественно высился над нею. Вьюнок совсем его одолел, цепкие, узловатые плети опутывали дряхлый ствол и доползали до самой верхушки, где еще совсем недавно на раскидистых ветвях было целое гнездилище густой и зеленой листвы. Грибы тоже тучнели, широкие пластины, напитанные дождевой водой, и студенистые бугры помельче, красные и желтые, так что дряхлое дерево теперь превращалось в труху и белесую слизь. Нил насобирала еды для Лику, и Лок тоже выковыривал пальцами бледные личинки. Мал дожидался, покуда они кончат. Он

уже не дрожал всем телом, но порой судорожно корчился. После каждого приступа судорог он налегал на палицу и даже понемногу сползал по ней все ниже.

Теперь уши людей улавливали новый звук, это был шум, столь неумолчный и всепроникающий, что не было нужды напоминать друг другу, откуда он. За прогалиной начинался крутой подъем, каменистый и бесплодный, в редких местах утыканный низкорослыми деревьями; здесь обнажался костяк земли, гладкие серые каменные суставы. За подъемом, в межгорье, была долина, и оттуда река низвергалась вниз могучим водопадом с высоты вдвое выше самого высокого дерева. Люди молча прислушивались к отдаленному реву воды. Потом они переглянулись, стали смеяться и болтать. Лок объяснил Лику:

– Сегодня ты будешь спать у падающей воды. Ведь она не ушла. Ты помнишь?

– Я вижу внутри головы воду и пещеру.

Лок любовно погладил ствол мертвого дерева, а Мал сразу повел их наверх. Теперь, в радости, они постепенно стали замечать, что он слаб, но еще не понимали до конца, сколь тяжек его недуг. Мал подымал ноги, как бы выволакивая их из трясины, и ноги эти уже не были сообразительными. Они выбирали, куда ступить, бестолково, будто кто другой растаскивал их вкривь и вкось, так что Малу приходилось все время подпираться палицей. Люди позади с легкостью повторяли всякое его движение, от избытка здоровья им не терпелось идти вперед. Усердствуя в подражании, они любовно и помимо воли передразнивали его усилия. Когда он горбился и задыхался, они пыхтели тоже, сутулились, и ноги их нарочито теряли сообразительность. Они петляли по крутизне меж серых глыб и каменных мослов, а потом деревья остались позади, и они вышли на обнаженный склон.

Здесь Мал остановился и закашлялся, и они поняли, что надо дать ему передохнуть. Лок взял Лику за руку:

– Гляди!

Склон подымался к долине, а впереди громоздилась гора. Слева склон обрывался, и там утес нависал над рекой. На реке был остров, который так круто вздымался кверху, будто встал на дыбы и одним концом упирается в водопад. Река низвергалась по обоим бокам острова потоком, здесь узким, но поодаль широким и могучим; а куда она низвергалась, никто не мог видеть за брызгами и летучей дымной пеленой. На острове росли деревья и густой кустарник, но конец его, вздыбленный наперекор водопаду, был будто застлан густым туманом, и река по бокам только слабо поблескивала.

Мал тронулся дальше. К истоку водопада вели два пути, один извилисто уходил вправо и подымался меж скал. Хотя так идти было бы легче для Мала, он пренебрег этим путем, видимо, потому, что больше всего жаждал поскорей добраться до места и обрести покой. Он решительно повернул влево. Здесь изредка попадались кустики, которые помогали удержаться на гриве утеса, и, когда они пробирались поверху, Лику опять заговорила с Локом. Шум водопада вылушил жизнь из ее слов и оставил лишь вялую шелуху.

– Хочу есть.

Лок ударил себя в грудь. Он закричал громко, чтоб слышали все люди:

– Я вижу, как Лок находит дерево, где густо сидят почки...

– Ешь, Лику.

Ха стоял рядом с ягодами в горсти. Он высыпал ягоды на ладонь Лику, и она ела, уминая губами; малая Оа сиротливо торчала у нее под мышкой. Лок вспомнил, что и сам хочет есть. Теперь, когда они ушли из промозглой зимней пещеры у моря и не собирали уже горькую, несвежую на вкус еду по отмелям и соленым болотам, он вдруг увидел лакомый корм: мед и молодые побеги, луковки и личинки, сладостное и запретное мясо. Он подобрал камень и стал бить по голой скале у себя над головой, будто долбил твердое дерево.

Нил сорвала с палицы сморщенную ягоду и положила в рот.

– Видали, как Лок бьет скалу в бок!

Над ним смеялись, а он дурачился, делал вид, что подслушивает у скалы, и кричал:
– Просыпайтесь, личинки! Вы не спите?
Но Мал уже вел их дальше.

Чело утеса слегка отклонялось назад, и вместо того, чтоб перелезть через избороздившие его морщины, люди могли пройти кружным путем над рекой, бурной в нижнем ее течении, за сумятицей у подножия водопада. Тропа с каждым шагом становилась все круче, головокружительный подъем по скатам и уступам, расщелинам и валунам, где было одно спасение цепляться ногами за малейшую неровность, а скала под ними опрокидывалась вспять, и воздушная пустота отделяла их от дымной пелены и острова. Здесь стервятники парили уже под ними, будто черные хлопья вокруг костра, хвостатые травы в реке колыхались, и только по неверным проблескам меж стеблей угадывалась вода; остров же, вздыбленный наперекор водопаду, вразрез порогу, откуда изливался потоп, был недосягаем, как месяц на небе. Дальше утес клонился долу, будто разглядывал свою подошву в воде. Хвостатые травы были очень высоки, выше многих мужчин, они колыхались под взбиравшимися людьми взад и вперед, размеренно, точно бьется сердце или плещет морской прибор.

Лок вспомнил, как звучит клекот стервятников. Он замахал на них руками.

– Крок!

Новый человек шевельнулся на спине у Фа, крепко перехватил шерсть ручонками и ножками. Ха продвигался очень медленно, с осторожностью неся свое грузное тело. Он полз на четвереньках, его руки и ноги сгибались и подтягивались по каменной круче. Мал заговорил опять:

– Стойте.

Они угадали это по губам, когда он обернулся, и тесно обступили его. Здесь тропа расширялась, и места хватало для всех. Старуха положила руки на край обрыва, чтоб легче было удерживать ношу. Мал скорчился и кашлял так долго, что плечи свела судорога. Нил присела рядом и одной рукой обхватила его живот, а другой плечо.

Лок глядел в даль за рекой, чтоб забыть о голоде. Он раздул ноздри и сразу же был вознагражден смесью всевозможных запахов, потому что туман над водопадом до крайности обострял всякий запах, подобно тому как дождь живит и освежает яркость полевых цветов. Были тут и запахи людей, у каждого свой собственный, но непременно слитый с запахом топкой тропы, по которой они прошли.

Это так ощутимо подтверждало близость их летнего стойбища, что он засмеялся от радости и повернулся к Фа с вожделием, несмотря на весь свой голод. Дождевая вода, которая окропила ее в лесу, высохла, и густые завитки у нее на загривке и вокруг головы нового человека были искристо-рыжие. Лок протянул руку и коснулся ее груди, а она тоже засмеялась и откинула волосы с ушей за плечи.

– Мы найдем еду, – сказал он, разевая свой широкий рот, – и ляжем вместе.

Едва он упомянул о еде, голод стал таким же осязаемым, как запахи. Он опять повернулся к обрыву, где чуял старухину ношу. И сразу не стало ничего, только пустота вокруг да дымная пелена от водопада наплывала на него из-за острова. Он был внизу, распластанный по скале, и цеплялся за ее шероховатости пальцами рук и ног, как лиана своими усиками. Он видел хвостатые травы через просвет у себя под мышкой, они не колыхались, а будто застыли в это мгновение небывалой зоркости. Лику верещала над обрывом, Фа лежала ничком у самого края и стискивала его запястье, а новый человек скулил и пытался выпутаться из ее волос. Остальные люди спешили назад. Ха был виден выше ляжек, он действовал осторожно, но быстро и уже наклонился, чтоб ухватить второе запястье. Лок чувствовал, что ладони их вспотели от ужаса. Поочередно подтягивал он кверху то ногу, то руку, покуда не вполз на тропу. Он перекатился на бок и зарычал на хвостатые травы, которые теперь опять колыхались. Лику выла.

Нил наклонилась, прижала ее голову к себе меж грудей и стала успокаивать, поглаживая по шерстистой спине. Фа рывком повернула Лока к себе.

– Зачем?

Лок упал на колени и поскреб щетину под губой. Потом указал на водные брызги, которые летели к ним через остров.

– Старуха. Она была вон там. И это.

Стервятники взмывали под его рукой в воздухе, обтекавшем утес. Фа отпустила Лока, когда его голос мужчины заговорил про старуху. Но он все глядел ей в лицо.

– Она была там...

Оба совсем ничего не понимали и умолкли. Фа опять хмурилась. Эту женщину нельзя было обмануть. Что-то невидимое исходило от старухи и витало в воздухе вокруг ее головы. Лок заклинал ее:

– Я повернулся и упал.

Фа закрыла глаза и сказала сурово:

– Я так не вижу.

Нил уводила Лику за остальными. Фа пошла следом, будто Лока не было на свете. Он покорно побрел за ней, понимая свою оплошность, и все же бормотал на ходу:

– Я повернулся к ней...

Люди сбились в кучку поодаль на тропе. Фа крикнула им:

– Мы идем!

Ха отозвался:

– Здесь ледяная женщина.

Впереди и выше Мала была падь, забитая слежавшимся снегом, покуда еще недоступным солнцу. Собственная тяжесть и мороз, а на исходе зимы ливневые дожди уплотнили его в лед, который угрожающе нависал, и между подтаивающей кромкой и подогретой скалой струилась вода. Хотя прежде люди ни разу не видали, чтоб ледяная женщина еще жила в этой пади, когда они возвращались из своей зимней пещеры у моря, никому не пришла мысль, что Мал привел их в горы слишком рано. Лок забыл про свой неудачный прыжок и про удивительную, непередаваемую новизну запаха водных брызг и побежал вперед. Он остановился рядом с Ха и закричал:

– Оа! Оа! Оа!

Остальные подхватили крик:

– Оа! Оа! Оа!

Средь неумолчного грохота водопада голоса их были ничтожны и бессильны, но стервятники все же услышали и встревожились, а потом плавно продолжали полет. Лику кричала и подбрасывала малую Оа, хотя сама не знала зачем. Новый человечек опять проснулся, облизнул губки розовым язычком, как котенок, и выглянул сквозь завитки за ухом у Фа. Ледяная женщина свисала выше и впереди людей. Хотя смертоносная вода истекала из ее чрева, она не шевелилась. Люди замолчали и поспешили прочь, покуда она не скрылась за скалой. Безмолвно дошли они до скал у водопада, где могучий утес разглядывал свою подошву в белых бурунах и водоворотах. Почти на уровне их глаз выгибался прозрачный свод и вода перехлестывала через порог, такая прозрачная, что все было видно насквозь. Водоросли здесь не колыхались медленно и плавно, а неистово трепетали, будто порывались убежать. Близ водопада скалы были мокры от брызг и папоротники свисали над пустотой. Люди едва глянули на водопад и быстро полезли дальше.

Над водопадом река текла через долину в межгорье.

Теперь, на исходе дня, солнце спустилось в долину и пламенело в воде. По ту сторону река омывала крутобокую гору, черную и отвернувшуюся от солнца; но эта сторона не была

такой неодолимой. Здесь был косогор, наклонный уступ, который отлого смыкался с другим утесом. Лок не стал глядеть на остров, где никто из людей не бывал, и на гору по ту сторону долины. Он заспешил вслед за людьми, вспомнив, как безопасно на этом уступе. Ничто не грозило им снизу, из воды, потому что течение унесло бы всякого врага в водопад; а утес над уступом был достигаем только для лис, козлов, людей, гиен и птиц. Даже спуск с уступа к лесу прикрывала такая теснина, что ее мог отстоять один человек, вооруженный палицей. И по этой тропе на крутом утесе над тучами брызг и мятущимися водами не ходило никакое зверье, ее проторили лишь ноги людей.

Когда Лок обогнул поворот в конце тропы, лес позади него уже померк и тени из долины взлетали к уступу. Люди шумно располагались на уступе, но Ха с размаху опустил палицу, так что тернии на конце вонзились в землю у его ног. Он согнул колени и принялся. Люди сразу умолкли и выстроились в полукруг перед отлогом. Мал и Ха с палицами наготове крадучись взобрались на невысокий земляной склон и оглядели отлог.

Но гиены ушли. Хотя запах еще стлался по каменной осыпи и по редкой траве, которая питалась прахом многих поколений, этот запах был уже дневной давности. Люди увидели, что Ха теперь держит палицу так, что она не может больше служить оружием, и ослабили мышцы. Они сделали несколько шагов вверх и остановились у отлога, где под лучами солнца легли их косые тени. Мал подавил кашель, который клочкотал у него в груди, повернулся к старухе и стал ждать. Она опустилась на колени и положила на середине отлога глиняный шар. Она вскрыла глину, распластала и приладила ее поверх прежнего слежавшегося на земле слоя. Потом склонила над глиной лицо и дунула. В глубине отлога стоял высокий утес со впадинами по обоим бокам, и в этих впадинах были сложены кучи хвороста, сучьев и толстых веток. Старуха проворно сходила к кучам и принесла сучья, листья и рассохлое, трухлявое бревнышко. Все это она уложила на распластанной глине и стала дуть, покуда вслед за стружкой дыма не взмыла в воздух первая искра. Ветка затрещала, красный с синеватым отливом язычок пламени лизнул дерево и выпрямился, так что щека старухи с теневой стороны зарделась и глаза блеснули. Она опять сходила к впадинам, подбросила еще дров, и огонь явил взгляду все великолепие своего пламени и ярких искр. Она стала приминать сырую глину пальцами, выравнивая края, и теперь огонь сидел посреди плоского круга. Тогда она встала и сказала людям:

– Огонь опять проснулся.

Два

В ответ люди оживленно загомонили. Они устремились на отлог. Мал сразу сел за костром и вытянул руки, а Фа и Нил принесли еще дров и сложили их рядом. Лику тоже принесла ветку и отдала старухе. Ха опустился на корточки возле утеса, поерзал и удобно привалился к нему спиной. Его правая рука нашарила и подобрала камень. Он показал его людям.

– Я вижу этот камень внутри головы. Вот Мал рубит им ветки. Смотрите! Этот край может рубить.

Мал отнял камень у Ха, взвесил на ладони, нахмурился было, но потом поглядел на людей с улыбкой.

– Этим камнем я рубил, – сказал он. – Смотрите! Здесь я зажимаю его большим пальцем, а здесь обхватываю рукою тупой край.

Он поднял камень и с живостью изобразил Мала, который рубит ветку.

– Это хороший камень, – сказал Лок. – Он не ушел. Он лежал у костра и дожидался, пока Мал за ним не придет.

Он встал и поглядел со склона поверх земли и камней. Ни река не ушла, ни горы. И отлог их дождался. Вдруг его захлестнула волна радости и ликования. Все их дождалось, дождалась и Оа. Теперь она выгоняла ростки из луковиц, утучняла личинки, исторгала запахи из земли, распускала набухшие почки во всякой пазухе, на всякой ветке. Он заплясал по уступу над рекой, широко растопырив руки:

– Оа!

Мал отполз от костра и осмотрел задний край отлога. Он пригляделся к земле, отшел прочь редкие сухие листья и звериный помет под утесом. Потом опустился на корточки и расправил плечи:

– А здесь сидит Мал.

Он ласково погладил утес, как Лок или Ха могли бы приласкать Фа.

– Мы дома!

Лок пришел с уступа. Он посмотрел на старуху. Свободная от ноши с огнем, она уже не была такой отрешенной и далекой от всех. Теперь он мог заглянуть ей в глаза, заговорить с нею и даже, вероятно, удостоиться ответа. Кроме того, он испытывал потребность говорить, чтоб скрыть от других тревогу, которую всегда пробуждали в нем языки пламени.

– Теперь огонь опять в своем логове. Тебе тепло, Лику?

Лику вынула малую Оа изо рта.

– Хочу есть.

– Завтра мы найдем еду для всех людей.

Лику подняла малую Оа.

– И она есть хочет.

– Ты возьмешь ее с собой и накормишь.

Он со смехом оглядел остальных:

– Я вижу...

Люди тоже засмеялись, потому что Лок всегда видел себя и почти ничего и никого другого, и они знали это не хуже его самого.

– ...вижу, как нашлась малая Оа...

Старый корень, причудливо искривленный и встопорщенный, напоминал толстобрюхую женщину.

– ...я стою между деревьями. Я чувствую. Вот здесь, под ногой чувствую... – Он изобразил это. Всей тяжестью он опирался на левую ногу, а правая шарила по земле. – ...Я чувствую. Что чувствую? Луковицу? Палку? Кость? – Пальцы правой ноги ухватили что-то и поднесли к левой руке. Он поглядел. – Это малая Оа! – Он просиял, упиваясь своим торжеством. – И теперь где Лику, там всегда и малая Оа.

Люди похлопали себя по ляжкам, выражая одобрение, посмеиваясь и над ним, и над его рассказами. Удовлетворенный этой наградой, он уселся у костра, а люди притихли и молча глядели на огонь.

Солнце утонуло в реке, и свет исчез с отлога. Теперь костер, как никогда, был средоточием всего, белесая зола, пятно багрового света, а над ними слитное, высокое, трепещущее пламя. Старуха сновала бесшумно, подкладывая дров, красное пятно их поедало, и пламя обретало силу. Люди глядели, и лица их будто слегка подергивались в неверном свете. Конопатая кожа румянилась, и у каждого в глубоких глазницах обитали похожие, как близнецы, огоньки и дружно плясали там. Теперь, когда люди хорошо угрелись, они расслабили конечности и благодарно впивали ноздрями дым. Они поджали пальцы ног, растопырили руки и даже слегка отодвинулись от огня. Все погрузилось в то глубокое молчание, которое было природно им гораздо больше, нежели слова, молчание, отторгнутое от времени, и на отлоге сначала возникло единство во многих мыслях, а потом, может быть, мыслей не стало вовсе. Рев воды казался теперь почти беззвучным, и слышно было, как легкий ветерок овеивает скалы. Уши людей будто обрели самостоятельную жизнь, они различали в хитросплетении мельчайших звуков любой в отдельности, улавливали шелест дыхания, шорох сырой, подсыхающей глины и опадающего пепла.

Потом Мал заговорил с несвойственной ему робостью:

– Холодно тут?

Разум опять самостоятельно пробудился у каждого в черепе, и все повернулись к Малу. Он уже обсох, и шкура его ерошилась. Он рывком подался вперед, скользнул коленями по глине и оперся на растопыренные руки, так что жар полыхал ему прямо в грудь. Весенний ветерок дунул на огонь и метнул струйку дыма прямо в его разинутый рот. Он поперхнулся и закашлялся. Он никак не мог перестать, кашель, казалось, выпрыгивал из его груди без удержу или спросу. От этого все тело сотрясало, и он никак не мог перевести дух. Он повалился на бок и весь задрожал. Они увидели его язык и страх в его выкаченных глазах.

Старуха сказала:

– Это холод воды, где было бревно.

Она подошла, опустила на колени и стала обеими руками растирать ему грудь, разминать мускулистую шею. Она прижала его голову к своим коленям, прикрыла от ветра, и кашель понемногу унялся, а сам он уже лежал спокойно, лишь изредка вздрагивая. Новый человечек проснулся и слез со спины Фа. Он пополз вдоль вытянутых ног, и его рыжие волосенки поблескивали в трепетном свете. Он увидал огонь, прошмыгнул под согнутым коленом Лока, ухватил Мала за лодыжку, подтянулся и встал. Два крошечных огонька загорелись в его глазенках, а он стоял, клонясь вперед, и держался за подрагивающую ногу. Люди поглядывали то на детеныша, то на Мала. В костре хрупнула ветка так внезапно, что Лок подскочил, а в темноту посыпались искры. Новый человечек упал на четвереньки раньше, чем искры осели. Он юркнул мимо ног взрослых, взобрался по руке Нил и спрятался в шерсти у нее на спине, под гривой. Потом один из огоньков проглянул у ее левого уха пылливо и настороженно. Нил склонила голову набок и ласково потерлась щекой о головку малыша. Новый человечек опять затаился. Собственная его шерстка и завитки матери укрыли его, как пещера. Ее грива свисала и стлалась над ним. Вскоре огонек у ее уха погас.

Мал собрался с силами и сел, опираясь на старуху. Он оглядел людей одного за другим. Лику открыла было рот, порываясь заговорить, но Фа живо ее утихомирила.

И тогда заговорил Мал:

– Вначале была великая Оа. Она родила землю из своего чрева. И вскормила ее грудью. Потом земля родила женщину, а женщина родила из своего чрева первого мужчину.

Люди внимали молча. Они приготовились слушать дальше, услышать все, что знает Мал. Вот сейчас они смогут увидеть те времена, когда людей было много множество, времена, про которые все они так любили слушать, когда круглый год стояло лето и на ветках не переводились цветы и плоды. А еще был долгий перечень имен, от Мала назад, в прошлое, где всегда упоминается старейший из людей по тем временам; но на этот раз Мал не сказал больше ничего.

Лок сел рядом, защищая его от ветра.

– Ты хочешь есть, Мал. Когда человек хочет есть, в нем живет холод.

Ха широко разинул рот:

– Когда солнце выйдет опять, мы найдем еду. Оставайся у костра, Мал, а мы принесем еды, и в тебя войдет сила и тепло.

Подошла Фа, прильнула к Малу всем телом, и теперь они втроем прикрывали его у костра. Он сказал им сквозь кашель:

– Я вижу, что надо делать.

Он склонил голову и глядел на золу. Люди ждали. Они видели, как изнурила его жизнь. Длинная шерсть на голове поредела, и завитки волос, которые прежде застилали покатошь черепа, свалились, так что над бровями обнажилась полоска морщинистой кожи в палец шириной. Ниже зияли глазницы, запавшие и темные, а в глубине застыли мутные, измученные глаза. Он поднял руку и пристально поглядел на пальцы.

– Вот что надо для людей. Еда сперва. Потом дрова.

Правой рукой он стал перебирать пальцы на левой; он хватал их крепко, будто эта хватка могла удержать мысли в плену и повиновении.

– Палец за еду, это сперва. Потом палец за дрова.

Он тряхнул головой и начал сначала:

– Палец за Ха. За Фа. За Нил. За Лику...

Он перебрал все пальцы одной руки и поглядел на другую, тихонько покашливая. Ха заерзал по земле, но ничего не сказал. Мал распустил морщины на лбу и запнулся. Он понурил голову и вцепился руками в седую шерсть у себя на загривке. По голосу они слышали, до чего он устал.

– Ха принесет дрова из лесу. Нил пойдет с ним и возьмет с собой нового.

Ха опять заерзал, а Фа убрала руку с плеч старика, но Мал еще не кончил говорить:

– Лок добудет еду вместе с Фа и Лику.

Ха сказал:

– Лику еще маленькая, чтоб ходить по склону горы и дальше, по равнине!

Лику крикнула:

– Хочу с Локом!

Мал уронил голову меж колен и пробормотал глухо:

– Я сказал.

Теперь все решилось окончательно, и люди ощутили беспокойство. Они нутром чувствовали неладное, но слово было сказано. А когда слово сказано, это все равно как если б дело уже претворилось в жизнь, и они тревожились. Ха бесцельно стучал камешком по отлогой скале, а Нил опять тихонько постанывала. Только Лок, который видел меньше всех внутри головы, опять увидал ослепительную Оа и ее щедроты, как было недавно, когда он плясал на уступе. Он вскочил и повернулся к людям, а ночной ветерок ерошил завитки на его шкуре.

– Я принесу еды в руках, – он изобразил целую грудю, – много еды, так что буду шататься – вот столько!

Фа засмеялась над ним:

– Столько еды нету нигде.

Лок присел на корточки.

– Я вижу так внутри головы. Лок возвращается к водопаду. Он бежит через бок горы. Он несет козла. Большой кот убил этого козла и выпил кровь, так что вины нету. Вот здесь. Слева под мышкой. А здесь, справа, – он оттопырил другую руку, – у меня ляжка козы.

Он расхаживал по отлогу и пошатывался, будто под тяжестью мяса. Люди смеялись, сперва вместе с ним, потом над ним. Только Ха сидел молча, с едва заметной ухмылкой, и, когда люди заметили это, они поглядели на него и опять на Лока.

Лок похвалялся:

– Я вижу наверняка!

Ха даже не пошевелил губами, но по-прежнему ухмылялся. Потом у всех на виду медленно и серьезно обратился к Локу оба уха, так что они будто сказали за него: я тебя слышу!.. Лок раззявил рот, шкура на нем оцетинилась. Он невнятно заурчал на эти бесстыжие уши и кривую ухмылку.

Фа вмешалась:

– Не надо. Ха много видит и мало говорит. Лок говорит много и ничего не видит.

Тогда Ха рявкнул от смеха и взбрыкнул ногами перед Локом, а Лику засмеялась, сама не зная чему. Лок вдруг мучительно позавидовал их беспечному, мирному согласию. Он смирил свой норов, отполз назад к костру и сделал вид, будто очень опечален, люди же сделали вид, будто хотят его утешить. А потом на отлоге опять наступило молчание и единство в мыслях или без мыслей.

Неожиданно все люди замерли, сопереживая то, что каждый увидел внутри головы. Они увидели Мала как бы в отдалении, залитого светом, явственно представшего им во всей своей немощи. Они видели не только тело Мала, но все, что видел он сам, что медленно проступало и тускнело у него в голове. Одно, самое сильное, вытесняло остальное, брезжило сквозь туманные намеки, сомнения и догадки, покуда наконец они не поняли, что он думает с такой тягостной уверенностью:

«Завтра или еще через день я умру».

Люди опять разрознились. Лок протянул руку и коснулся Мала. Но Мал не почувствовал прикосновения, поглощенный болью и укрытый женскими волосами. Старуха поглядела на Фа.

– Это холод воды.

Она нагнулась и прошептала Малу на ухо:

– Завтра будет еда. Теперь спи.

Ха встал.

– И будут еще дрова. Не пора ли тебе кормить огонь?

Старуха сходила к утесу и принесла дров. Она складывала сучья один к одному так искусно, что, где бы ни пробивались языки пламени, повсюду они лизали сухое дерево. Вскоре пламя жарко полыхало в воздухе и люди отодвинулись назад. Теперь полукруг расширился, и Лику проскользнула внутрь. Шкура ее тревожно потрескивала, а люди блаженно улыбались друг другу. Потом они начали широко зевать. Они плотно сомкнулись вокруг Мала, жались к нему, баюкали в объятиях теплой плоти, а огонь согревал его спереди. Они ворочались и бормотали. Мал слегка покашлял, потом тоже уснул.

Лок присел сбоку и взгляделся в даль над темными водами. Заранее сознательное решение не пришло, но он был на страже. Он тоже зевнул и прислушался к боли у себя в животе. Он подумал про лакомую еду, облизнулся и готов был заговорить, но вспомнил, что все спят. Тогда он встал и поскреб густые завитки под губой. Фа была рядом, и вдруг он опять почувствовал, что хочет ее; но это чувство легко забылось теперь, когда голову почти целиком зани-

мала мысль о еде. Он вспомнил про гиен и крадучись выбрался на край уступа, откуда был виден спуск к лесу. Необъятная мгла и грязные пятна пролегали до серой полосы, обозначающей море; ближе туманно поблескивала река с болотами и излучинами. Он поглядел на небо и увидел, что оно чистое, только над морем повисли пернатые облака. Отблеск костра уже не мешал смотреть, и теперь глаза его кольнул острый луч звезды. Потом появились другие, целая россыпь, скопления дрожащих огоньков по всему небосводу, от края до края. Глаза Лока не мигая глядели на звезды, а нюх ловил запах гиен и убедил его, что поблизости их нет. Он перелез через скалы и посмотрел сверху на водопад. Там, где река низвергалась в водоем, всегда бывал свет. Дымные струи, казалось, улавливали весь свет без остатка и рассеивали его неприметно. Но свет этот пронизывал лишь сами струи, так что весь остров оставался в темноте. Лок бездумно оглядывал черные деревья и скалы, едва видимые сквозь мгlistую белизну. Остров походил на длинную ногу сидящего великана, чье колено, поросшее деревьями и кустами, перекрывало мерцающий порог водопада, а неуклюжая ступня, будто вывихнутая, вытягивалась понизу, теряла свое сходство и сливалась с темной пустыней. Великанья ляжка, которая была бы под стать туловищу, огромному, как гора, лежала в долине среди текущей воды, становилась все тоньше, и в конце лишь разрозненные скалы криво вставали в рост перед уступом. Лок рассматривал великанью ляжку, как рассматривал бы луну: нечто столь далекое совсем не связывалось со знакомой ему жизнью. Чтобы достичь острова, людям пришлось бы перепрыгнуть с уступа на скалы через воду, которая с жадностью поглотила бы их и унесла в водопад. Только очень проворная тварь, гонимая страхом, отважилась бы на такой прыжок. Поэтому на острове никто не бывал.

Умиротворенный, он вдруг представил себе пещеру у моря, повернулся и поглядел на реку. Далеко внизу ее излучины, будто лужи, тускло поблескивали в темноте. Он смутно представил себе тропу, которая вела от моря к уступу сквозь расстилавшийся под ним мрак. Он смотрел, и его озадачила мысль, что тропа действительно там, куда он теперь смотрит. Эти места, где беспорядочно громоздились скалы, будто кто-то остановил их каменный вихрь в миг самого грозного неистовства, и эта река, разлитая среди леса, были слишком сложными для уразумения, не умещались у него в голове, хотя его чувства кружными путями могли проникнуть всюду. Он с облегчением отбросил непостижимую мысль. Вместо этого он раздул ноздри и стал вынюхивать гиен, но они давно ушли. Он спустился на край скалы и помочился в реку. Потом тихонько вернулся назад и присел сбоку от костра. Он коротко зевнул, опять почувствовал, что хочет Фа, почесался. Глаза смотрели на него с утесов, глаза были и на острове, но он знал, что никто не подойдет близко, покуда рдеют угли в костре. Старуха будто угадала его мысль, проснулась, подбросила дров и плоским камнем стала сгребать золу. Мал надрывно закашлялся во сне, отчего люди зашевелились. Старуха примостилась на прежнем месте, а Лок поднял руки и сонно потер ладонями глаза. После такого нажима над рекой поплыли зеленые пятна. Прищурясь, он взглянул налево, где водопад ревел до того однозвучно, что его уже не было слышно. Ветер всколыхнул воду, затрепетал; потом сильный порыв налетел из леса и ворвался в долину. Резкая черта на краю неба расплылась, лес посветлел. Над водопадом сгущалось облако, туман подкрадывался из каменистого водоема, где ветер запрудил реку и отбросил воду вспять. Остров застило мглой, сырой туман подкрался к уступу, повис над отлогом и окутал людей такими мелкими капельками, что порознь они были неосязаемы и взгляд мог различить лишь все их скопище целиком. Ноздри Лока сами собой раздулись и втянули смешанные запахи, которые принес туман.

Он сидел на корточках, недоумевая и дрожа. Ладони он сомкнул вокруг ноздрей и нюхал пойманный в пригоршни воздух. Он зажмурил глаза, напряг внимание, сосредоточился, обоняя тепловатый уже запах, и на миг, казалось, едва не уловил нечто сокровенное; потом запах испарился, как вода, расплылся, как что-то далекое и мельчайшее, когда от напряжения высту-

пают слезы. Он выпустил воздух из ладоней и открыл глаза. Ветер переменялся, туман, стлавшийся от водопада, уплывал, и вокруг были обычные ночные запахи.

Он хмуро поглядел на остров и на темную воду, которая струилась к устью долины, потом зевнул. Он не способен был удержать новую мысль, если она не таила в себе опасности. Костер угасал, становился похожим на красный глаз и освещал уже только себя, а люди были недвижны и сливались со скалами. Он устроился поудобней перед сном, наклонился вперед и прикрыл ладонью ноздри, чтоб туда попадало меньше холодного воздуха. Колени он подтянул к груди, стараясь получше укрыться от ночной прохлады. Левая рука скользнула вверх и запустила пальцы в шерсть на загривке. Челюсть уткнулась в колени.

Над морем сквозь облачную гряду проглянул тусклый желтоватый свет, постепенно разливаясь все шире. Края облаков теперь золотились, и вот уже сверкнула кромка почти полной луны. Порог водопада заблестел, блики света метались понизу или вдруг взлетали, как искры. Деревья на острове обрели четкость, ствол самой высокой березы внезапно покрылся серебряными и белыми пятнами. За водой, по ту сторону долины, утес еще таил темноту, но на всех окрестных горах проступили высокие снежные и ледяные вершины. Лок спал, сидя на корточках. При малейшей опасности он помчался бы по уступу, как резвый бегун, который с места набирает скорость. Иней поблескивал на нем, будто лед на горной вершине. От костра остался плоский бугорок, горстка красных углей, а над ними трепетали синие язычки и лизали недогоревшие концы веток и поленьев.

Луна медленно и почти отвесно поднималась по небу среди редких, едва заметных облачков. Свет прокрался вниз по острову, и пенистые струи засверкали. Отовсюду смотрели зеленые глаза, везде проступали серые тени, скользили и скрывались в темноте или проворно перебежали через прогалины на склонах горы. Свет падал на деревья в лесу, и желтоватые пятна мельтешили по прелым листьям и по земле. Он ложился на реку и на колышущиеся хвостатые травы; а воду усеяли лучистые блестки, и круги, и вихри холодного огня. Снизу долетел шум, но рев водопада заглушил эхо и лишил этот шум звучания, так что остался пустой отголосок. Уши Лока встрепенулись в лунном свете, и налет инея на их концах дрогнул. Уши Лока сказали Локу:

– ?

Но Лок спал.

Три

Лок почувствовал, что старуха встала раньше всех и принялась хлопотать у костра с первыми проблесками зари. Она сложила дрова кучей, и он сквозь сон услышал, как дерево начало лопаться и трещать. Фа еще сидела, и голова старика беспокойно ерзала у нее на плече. Ха шевельнулся и встал. Он сошел на край уступа и помочился, потом вернулся и поглядел на старика. Мал просыпался не так, как остальные. Он тяжело сидел на корточках, ворочал головой среди шерсти Фа и часто дышал, как самка, ожидающая детеныша. Рот его был широко разинут перед жарким огнем; но его сжигал другой, невидимый огонь; этот огонь разлился по всей дряблой плоти и вокруг глазниц. Нил сбегала к реке и принесла воды в пригоршнях. Мал выпил воду, все так же не открывая глаз. Старуха подбросила в огонь еще дров. Она указала на впадину в утесе и мотнула головой в сторону леса. Ха тронул Нил за плечо:

– Пойдем!

Новый человек тоже проснулся, вскарабкался на плечо Нил, похныкал, потом перебрался к ней на грудь. Нил осторожно пошла вслед за Ха к крутой тропе, которая прямо спускалась в лес, а новый человек сосал ее грудь. Они миновали поворот и скрылись в утреннем тумане, висевшем почти вровень с истоком водопада.

Мал открыл глаза. Людям пришлось низко наклониться, чтоб расслышать его слова.

– Я вижу.

Трое людей ждали. Мал поднял руку и положил ладонь себе на голову. Два огонька метались в его глазах, но смотрел он не на людей, а куда-то вдаль по ту сторону воды. В его пристальном взгляде было столько напряжения и страха, что Лок обернулся поглядеть, почему испугался Мал. Он не увидел ничего: только бревно, смытое весенним разливом с берега где-то в верховьях, проплыло мимо, встало торчком и бесшумно нырнуло в водопад.

– Я вижу. Огонь убегает в лес и пожирает деревья.

Теперь, когда он не спал, дыхание его участилось еще больше.

– Вот огонь. Лес в огне. Гора в огне...

Он поворачивал голову к каждому из людей. В голосе его звучал ужас.

– Где Лок?

– Здесь.

Мал вперил в него глаза, хмурый и растерянный.

– Кто это? Лок на спине у своей матери, а деревья сожрал огонь.

Лок переступил с ноги на ногу и глупо засмеялся. Старуха взяла руку Мала и приложила к щеке.

– Это было давно. Все кончилось. Ты увидел это во сне.

Фа погладила его по плечу. Потом ее рука замерла на его шкуре, и глаза широко раскрылись. Но она заговорила с Малом ласково, будто разговаривала с Лику:

– Лок стоит перед тобой. Гляди! Он взрослый мужчина.

Лок понял с облегчением и быстро заговорил, обращаясь ко всем:

– Да, я мужчина. – Он вытянул руки. – Вот я здесь перед тобой, Мал.

Проснулась Лику, широко зевнула, и малая Оа скатилась с ее плеча. Лику подобрала ее и прижала к груди.

– Хочу есть.

Мал повернулся так круто, что чуть не упал рядом с Фа, и ей пришлось его подхватить.

– Где Ха и Нил?

– Ты их послал, – ответила Фа. – Послал за дровами. А Лока, Лику и меня за едой. Скоро мы принесем тебе поесть.

Мал начал раскачиваться из стороны в сторону, закрыв руками лицо.

– Я увидел это не к добру.

Старуха обняла его за плечи.

– Теперь спи.

Фа отвела Лока от костра.

– Нехорошо, если Лику пойдет с нами на равнину. Пускай остается у костра.

– Но Мал сказал так.

– У него болеет голова.

– Он видел все в огне. Я испугался. Как может гора быть в огне?

Фа сказала дерзко:

– Сегодня такой же день, как вчера и завтра.

Ха и Нил с новым человечком пробрались через теснину на уступ. Они наломали и принесли большие охапки веток. Фа побежала им навстречу.

– Идти Лику с нами, потому что так сказал Мал?

Ха оттопырил губу:

– Такого еще не бывало. Но так сказано.

– Мал видел гору в огне.

Ха поднял голову и поглядел на далекую затуманенную вершину.

– Я этого не вижу.

Лок взволнованно фыркнул:

– Сегодня такой же день, как вчера и завтра.

Ха обратил к ним уши и с важностью улыбнулся:

– Так сказано.

Вдруг непонятная скованность исчезла, и Фа, Лок и Лику быстро побежали по уступу. Они прыгнули на утес и стали взбираться вверх. Вскоре они оказались уже на такой высоте, что могли видеть дымную пелену брызг внизу под водопадом и шум его ударил в уши. Там, где утес слегка отклонялся назад, Лок упал на одно колено и крикнул:

– Полезай!

Теперь стало гораздо светлее. Они видели, как блестит река в горной долине и синее огромное небо, опрокинутое над горами, которые обступали водоем. Внизу туман застилал лес и равнину, окутывая бок горы. Они побежали по крутизне туда, где слался туман. Гладкий склон остался позади, они перебирались через огромные осыпи из острых каменных обломков, спускались в ужасные ущелья и наконец достигли округлых валунов, за которыми росли редкие пушистые травы да кое-где чахлый кустарник, согбенный ветрами. Травы были влажные от росы, и паутина, колыхавшаяся меж стеблей, рвалась и липла к ногам. Склон уже не был таким крутым, кустарник стал гуще. Верхняя граница тумана приблизилась.

– Солнце выпьет туман.

Фа будто не слышала. Она шарила по земле, пригнув голову так низко, что завитки у ее щек сбивали росинки с кустарника. Вдруг какая-то птица заклекотала и тяжело взлетела в воздух. Фа ринулась к гнезду, а Лику от радости стала колотить Лока пятками в живот:

– Яйца! Яйца!

Она соскользнула с его плеч и заплясала на траве. Фа отломала от палицы терний и проколола яйцо с обоих концов. Лику выхватила его у нее из рук и высосала с громким хлопанием. Фа и Локу тоже досталось по яйцу. Все три яйца они опорожнили одним духом. Теперь люди особенно остро ощутили голод и усердно занялись поисками. Они шли вперед, пригнувшись и обшаривая все вокруг. Хотя они не поднимали глаз, они знали, что туман впереди сползает на равнину и у моря сквозь прозрачное марево уже проглядывают первые лучи солнца. Они раздвигали листья и всматривались в кустарник, находили невылупившиеся личинки, бледные ростки, скрытые под камнями. Покуда они искали и ели, Фа их утешала:

– Ха и Нил добудут еду в лесу.

Лок находил личинки, любимое лакомство, придающее много силы.

– Мы не можем вернуться и принести только личинку. Принести. Только одну личинку.

Потом они выбрались из кустарника. Сюда недавно скатился с горы камень и столкнулся с другой. Клочок обнаженной земли сплошь покрывали тучные белые ростки, которые едва пробивались к свету, они были короткие и толстые, но зато ломались от малейшего прикосновения. Люди бок о бок припали к земле и жадно насыщались. Еды было так много, что они издавали короткие возгласы, выражавшие радость и волнение, так много было еды, что на какое-то время они утолили жестокий голод, хотя полностью насытиться не могли. Лику молчала, она села, вытянула ноги и жадно набивала рот. Немного погодя Лок развел руками, как бы раскрывая объятия.

– Если мы все съедим с этой стороны, можно привести людей на ту сторону, чтоб они тоже поели.

Фа сказала невнятно:

– Мал не пойдет, и она его не оставит. Мы должны вернуться этим же путем, когда солнце спустится за гору. Мы возьмем для людей столько еды, сколько сможем унести на себе.

Лок рыгнул и с благодарностью поглядел на землю:

– Это хорошее место.

Фа хмурилась и чавкала.

– Будь оно ближе...

Она с жадностью проглотила все, что было во рту.

– Вот что я вижу. Растет сытная еда. Не здесь. У водопада.

Лок засмеялся над ней.

– У водопада еда не растет!

Фа широко раскинула руки, не спуская глаз с Лока. Потом стала их сближать. Но хотя ее склоненная голова и слегка приподнятые, растянутые брови выражали вопрос, она не находила слов, чтоб его высказать. Она попыталась еще раз:

– Но если... увидеть вот так. Отлог и костер здесь, внизу.

Лок поднял лицо, скривил рот и засмеялся.

– Это место здесь, внизу. А отлог и костер вон там.

Он наломал еще ростков, затолкал в рот и стал жевать. Потом глянул туда, откуда все ярче исходил солнечный свет, и заметил признаки наступающего дня. Фа вскоре забыла свое видение и встала. Лок тоже встал и сказал ей:

– Пойдем!

Они стали спускаться вниз меж скал и кустов. Внезапно проглянуло солнце, тусклый серебристый круг плашмя катился сквозь облака, но с места не двигался. Лок шел впереди, за ним попевала Лику, серьезная и напряженная, ведь она в первый раз по-настоящему помогала добывать еду. Склон стал совсем пологим, и они приблизились к утесистой гряде, а впереди, на огромной, как море, равнине, колыхался вереск. Лок насторожился, и все замерли. Он обернулся, вопросительно поглядел на Фа, высоко поднял голову. Вдруг он выдохнул воздух через ноздри, потом вдохнул. Он чутко принюхивался, раздул ноздри и задерживал воздух, согревая его кровью, чтоб уловить запах. В носу у него творились чудеса, таким острым стало обоняние. Запах ощущался едва заметно. Будь Лок способен на такие сопоставления, он задумался бы над тем, настоящий ли это запах или только ожившее воспоминание. Запах был до того слаб и ничтожен, что, когда Лок вопросительно поглядел на Фа, она не поняла. Тогда он прошептал вслух:

– Мед?

Лику запрыгала от нетерпения, и Фа поспешно ее утихомирила. Лок опять вдохнул воздух, но поймал уже новую струйку и ничего не почувствовал. Фа ждала.

Лок мгновенно сообразил, с какой стороны дует ветер. Он взобрался на каменистый откос, обращенный к солнцу, и побежал меж скал. Ветер переменился, и Лок опять уловил запах. Этот запах стал волнующе близким и повел к невысокому утесу, который крушили морозы и солнце, размывали дожди, отчего образовалась целая сеть трещин. Одну трещину окружали пятна, похожие на бурые отпечатки пальцев, и одинокая пчелка, едва живая, хотя яркое солнце разогрело камень, висела на ширину ладони от края. Фа качнула головой:

– Меду мало.

Лок перевернул палицу и сунул в щель сплюснутый конец. Немногие пчелы, изнуренные холодом и голодом, вяло зажужжали. Лок повернул палицу в трещине. Лику подпрыгивала:

– Там мед, Лок? Хочу меду!

Пчелы выползли из трещины и роились вокруг людей. Некоторые тяжело падали наземь и ползли, трепыхая крыльшками. Одна запуталась в шерсти Фа. Лок вытащил палку. На конце были редкие потеки меда и воска. Лику уже не подпрыгивала, она вылизала все дочиста. Остальные двое успели утолить острый голод и теперь радовались, глядя, как Лику ест.

Лок приговаривал:

– Мед лучше всего. Ведь мед придает силу. Вот как Лику любит мед. Я вижу, придет время, когда мед потечет из этой трещины и можно будет собирать этот сладкий мед прямо пальцами – вот так!

Он провел рукой по камню и облизал пальцы, вспоминая, как сладок мед. Потом опять засунул в трещину конец палицы, чтоб Лику полакомилась еще. Фа стала проявлять нетерпение:

– Это старый мед, с того времени, когда мы уходили отсюда к морю. Мы должны найти еду для всех людей. Пойдем!

Но Лок все совал палицу в щель, чтоб опять любоваться, как Лику ест, глядеть на ее живот и вспоминать о меде. Фа спустилась по откосу, откуда туман стекал назад на равнину. Она сошла к скалистой кромке и скрылась из виду. Вдруг они услышали, как она вскрикнула. Лику вскочила Локу на спину, и он ринулся по откосу на крик с палицей наготове. В скалах была выщербленная расселина, а за ней расстилалась плоская земля. Фа сидела на корточках в конце расселины и глядела поверх травы и вереска на равнину. Лок подбежал к ней. Фа тихонько вздрогнула и приподнялась. Две желтоватые твари, чьи лапы были скрыты за бурными кустиками вереска, оказались так близко, что она видела их глаза. Эти остроухие звери встрепнулись, заслышав ее голос, прекратили возню и стояли в нерешимости. Лок ссадил Лику со спины:

– Лезь.

Лику взобралась по скале над расселиной и прилегла так высоко, что Лок не мог бы до нее дотянуться. Желтые твари ощерили клыки.

– Ну!

Лок крадучись двинулся вперед с палицей наготове. Фа обошла его слева. Она сжимала в руках два острых каменных осколка. Гиены сошлись ближе и зарычали. Фа внезапно взмахнула правой рукой, и камень угодил суке в ребра. Та взвизгнула, потом с воем пустилась наутек. Лок прыгнул, замахнулся палицей и ударил рычащего кобеля по морде. Теперь оба зверя отбежали на безопасное расстояние и огрызались в испуге.

– Скорей, я чую большого кота.

Фа уже стояла на коленях и терзала обмякшую тушу.

– Кот высосал кровь. Так что вины нету. А желтые твари даже не тронули печень.

Она яростно кромсала козье брюхо каменным осколком. Лок грозил гиенам палицей.

– Здесь много еды для всех людей.

Он услышал, как Фа урчит и задыхается, раздирая морщинистую кожу и кишки.

– Скорей.

– Не могу.

Гиены уже не огрызались, они медленно заходили с разных сторон. Лок следил за ними, и вдруг его накрыли тени двух крупных птиц, круживших в воздухе.

– Тащи козу к утесу.

Фа попыталась сдвинуть тушу, потом злобно крикнула на гиен. Лок попятился к ней, нагнулся, ухватил козу за ногу. Он тяжело поволок тушу к расселине, все время грозя палицей. Фа ухватила заднюю ногу козы и помогала тащить. Гиены шли следом на безопасном расстоянии. Люди втиснули добычу в узкую расселину под утесом, где притаилась Лику, а две птицы снизились. Фа снова принялась кромсать тушу острым осколком. Лок отыскал увесистый камень, которым удобно было наносить удары. Он стал долбить тушу и выламывать суставы. Фа урчала от нетерпения. Лок что-то приговаривал, а его большие руки тянули, выкручивали и обрывали сухожилия. Гиены безостановочно металась из стороны в сторону. Птицы слетели на скалу, уселись там сбоку от Лику, и она проворно соскользнула к Локу и Фа. Коза была уже искромсана и растерзана. Фа вспорола брюхо, рассекла слоистый желудок, вытряхнула кислую пережеванную траву и ростки на землю. Лок расколочил череп и вынул мозг, потом концом палицы разжал зубы и вырвал язык. Они уложили лакомые куски в выпотрошенный желудок, завязали его кишками, и получился дряблый мешок.

Лок урчал и часто приговаривал:

– Это плохо. Очень плохо.

Козьи ноги были раздроблены, мясо отделено от костей, и теперь Лику сидела на корточках возле туши, поедая кусок печени, который ей дала Фа. Воздух меж скал был муторный от запретного истязания и пота, от обильного запаха мяса и ощущения зла.

– Скорей! Скорей!

Фа сама не могла бы сказать, чего она боится; кот не вернется к обескровленной добыче. Его отделяет теперь от этого места полдня пути по равнине, он рыщет там, где пасется стадо, быть может, уже настигает новую жертву, готовый вонзить ей в шею свои сабли и высосать кровь. Но все же как будто темнота омрачала воздух под настороженными птицами.

Лок громко сказал, ощущая эту темноту:

– Совсем плохо. Оа родила козу из своего чрева.

Фа, которая разрывала мясо, пробормотала сквозь зубы:

– Не говори про нее.

А Лику все ела, не замечая темноты вокруг, ела сочную, теплую печень, покуда не заняли челюсти. Лок после внушения, которое ему сделала Фа, уже не приговаривал громко, а только шептал:

– Плохо. Но тебя убил кот, так что вины нету.

Он шлепал губами, и слюна капала из его широкого рта.

Солнце рассеяло остатки тумана, и впереди, за гиенами, люди видели волнистые поросли вереска на равнине, а еще дальше, где свет растекался понизу, зеленели кроны деревьев и сверкала вода. Сзади высились горы, мрачные суровые громады. Фа легла на спину и перевела дух. Тыльной стороной руки она утерла лоб.

– Мы должны подняться высоко, куда желтым тварям не залезть.

От туши не осталось почти ничего, только истерзанная шкура, кости и копыта. Лок отдал свою палицу Фа. Она взмахнула ею и сердито прикрикнула на гиен. Лок скрутил из кишки жгут, связал им окорока и намотал конец на запястье, чтоб можно было управиться одной рукой. Потом нагнулся и ухватил горловину желудка зубами. Фа держала охапку мяса, а он две груды рваных и дрожащих кусков. Он стал пятиться со свирепым рычанием. Гиены пробрались в расселину, стервятники сорвались с места и кружили чуть поодаль, где их нельзя было достать палицей. Лику так осмелела под защитой мужчины и женщины, что погрозила стервятникам объедком печени:

– Кыш, жадные клювы! Это мясо съест Лику!

Стервятники заклекотали, отлетели прочь и вступили в схватку с гиенами, которые с хрустом пожирали раздробленные кости и окровавленную шкуру. Лок уже не мог говорить. У него едва хватило бы сил тащить столько еды на плечах даже по ровному месту. Теперь же он влачил эту ношу вверх на весу и почти всю тяжесть удерживал пальцами и стиснутыми зубами. Они еще не преодолели откос, а он уже склонялся все ниже, и боль терзала его запястье. Но Фа поняла это, хотя не могла видеть и сопереживать. Она подошла, забрала у него дряблый желудок, и он облегченно вздохнул. Потом она и Лику полезли дальше, оставив его позади. Он разделил мясо на три неравные части и с трудом побрел следом. В голове у него так непостижимо смешались темнота и светлая радость, что он слышал, как колотится сердце. Он заговорил с темнотой, которая таилась в расселине:

– Здесь бывает мало еды, когда люди приходят от моря. Еще нету ягод, плодов, меда, нету почти никакого корма. Голодные люди отощали, им надо есть. Людям не нравится вкус мяса, но, когда оно найдется, надо его съесть.

Теперь он огибал гору по гладкому каменному скату, где только цепкость ног удерживала его от падения. Петляя среди высоких скал, он по-прежнему глотал слюну и вдруг высказал новую замечательную мысль:

– Это мясо для Мала, потому что он больной.

Фа и Лику отыскали проход в крутом склоне и рысцой побежали наверх, к уступу над долиной. Лок остался позади, он едва брел и высматривал подходящую скалу, куда мог бы положить мясо, как делала старуха, когда несла огонь. Такую скалу он нашел в начале прохода, она была плоская, а у другого ее бока зияла пустота. Он присел, мясо соскользнуло с него и осело под собственной тяжестью. Внизу, под склоном, слетелась целая стая стервятников, и там шел свирепый пир.

Лок отвернулся от расселины, где затаилась темнота, и устремил взгляд на Фа и Лику. Они были уже далеко, бежали рысцой к уступу, скоро они расскажут остальным про еду и, вероятно, пошлют Ха на подмогу. Он не спешил продолжить путь, предпочел отдохнуть немного и рассматривал суетный неугомный мир. Под светлым голубым небом едва различимо темнела далекая полоса моря. Темней всего окрест были густые синие тени, которые скользили по траве, камням и вереску, по серым оголенным валунам на равнине. Покрывая деревья в лесу, они омрачали прозрачную зелень весенней листвы и гасили блеск воды над рекой. У подножья горы они растекались вширь и уползали через хребет. Он поглядел в сторону водопада, где Фа и Лику, совсем крошечные, уже почти исчезли из виду. Потом он нахмурился, присмотрелся к воздуху над водопадом и открыл рот. Дым костра переместился и стал совсем не таким, как прежде. На миг он подумал, что старуха перенесла костер, но сразу же засмеялся над собственной глупостью, удивляясь, как он мог увидеть такое. И никогда старуха не позволила бы костру так дымить. Желтые струи свивались с белыми, будто горели сырые сучья или ветки с густыми зелеными листьями; только дурак или какое-то существо, которому совсем незнаком норы огня, стали бы обращаться с ним так неразумно. У Лока мелькнула мысль о двух разных кострах. Иногда огонь падал с неба и подолгу полыхал в лесу. Он таинственно просыпался на равнине среди вереска, когда цветы уже давно отцвели и солнце палило нестерпимо.

Лок опять засмеялся над тем, что ему привиделось. Старуха не позволила бы костру пустить такой дым, а заново огонь никогда не просыпался сам собой в сырую весеннюю пору. Лок глядел, как дым опадает, плывет в долину и там редеет. Потом он понюхал мясо и забыл про дым и про свое видение. Он подобрал куски и, шатаясь, побрел наверх вслед за Фа и Лику. Тяжесть мяса и мысль, что он несет людям столько еды, а когда принесет, заслужит их похвалу, отвлекли его, и он перестал видеть дым внутри головы. Фа бегом вернулась назад. Она взяла у Лока часть мяса, и они медленно, чуть не падая, одолели последний подъем.

Дым густо клубился с отлога, синий и горячий. Старуха удлинила костер, и слой теплого воздуха стлался меж пламенем и скалой. Пламя и дым надежной завесой ограждали отлог от легких порывов ветра. Мал лежал на земле, окутанный теплым воздухом. Он весь сжался, серый среди бурых кочек, глаза его были сомкнуты, рот широко разинут. Дышал он так часто и слабо, что грудь трепетала, будто отзывалась на удары сердца. Кости заметно проступали сквозь кожу, а плоть таяла, как жир на огне. Когда Лок показался в отдалении, Нил, новый человечек и Ха только что начали спускаться к лесу. Они ели на ходу, и Ха одобрительно махнул Локу рукой. Старуха стояла у костра и ощупывала желудок, который ей отдала Фа.

Фа и Лок спрыгнули на уступ и побежали к костру. Лок свалил мясо у нагромождения скал и крикнул Малу сквозь пламя:

– Мал! Мал! Мы принесли мясо!

Мал открыл глаза и приподнялся на локте. Он взглянул через костер на обмякший желудок, вздохнул и наградил Лока улыбкой. Потом повернул голову к старухе. Она улыбнулась ему и стала хлопать себя по ляжке свободной рукой.

– Это хорошо, Мал. Это дает силу.

Лику прыгала рядом с нею.

– Я ела мясо. И малая Оа ела мясо. Я прогнала жадные клювы, Мал.

Мал улыбался и тяжело дышал.

– Вот Мал наконец увидал радость.

Лок оторвал клочок мяса и стал жевать. Он засмеялся, побрел по уступу, изображая, как он пошатывался под тяжестью ноши, и сделал это ничуть не хуже, чем прошлым вечером. Потом заговорил невнятно, с набитым ртом:

– А Лок увидал наверняка. Мед для Лику и малой Оа. И целые охапки мяса козы, которую загрыз кот.

Люди тоже засмеялись и стали хлопать себя по ляжкам. Мал опять лег, улыбка на его лице потускнела, и он молчал, прислушиваясь к своему трепетному дыханию. Фа и старуха разобрали мясо, отделили изрядную долю и уложили на скалах и во впадинах. Лику схватила еще кусок печени, обошла костер и устроилась в теплом закутке, где лежал Мал. Старуха бережно перенесла желудок на скалу, распутала узел и засунула руку внутрь.

– Принесите земли.

Фа и Лок прошли через теснину у края уступа на взгорье, где склон, усеянный скалами и кустами, спускался к лесу. Они надергали жесткой травы с земляными комьями на корнях и принесли старухе. Она взяла желудок и положила его перед собой. Потом плоским камнем разворошила золу в костре. Лок присел на корточки и стал толочь землю папкой. Работая, он приговаривал:

– Ха и Нил принесли дров на много дней. Фа и Лок принесли еды на много дней. И теплые дни скоро придут.

Когда скопилась горка сухой истолченной земли, Фа смочила ее водой из реки. Она отдала землю старухе, которая облепила ею желудок. Потом проворно выгребла из костра самую горячую золу и завалила облепленный землей желудок. Зола легла толстым слоем, и воздух над ней задрожал от жара. Фа принесла дерну. Старуха обложила золу дернинами и сдвинула их вплотную. Лок бросил работу, встал и глядел, как готовят еду. Он видел морщинистую горловину желудка и слой земли под дернинами. Фа отстранила его локтем, нагнулась и вылила в желудок воду из пригоршней. Старуха придирчиво следила за Фа, которая сновала то туда, то сюда. Вновь и вновь прибегала она от журчащей реки, покуда не наполнила желудок доверху водой, мутноватой и пенистой. Мелкие пузырьки всплывали из пены, дрожали и лопались. Поверх докрасна раскаленной золы дерн потрескивал, травинки взъерошились. Они корчились, стали чернеть и загораться. Огненные язычки пробивались сквозь землю и металась среди травинки или жадно слизывали их, сперва обволакивая желтизной от корней до

самых концов. Лок отошел назад и собрал кучку рыхлой земли. Он забрасывал землей горящие дернины и приговаривал, обращаясь к старухе:

– Огонь легко удержать. Эти языки не уползут. Для них нет вокруг никакой еды.

Старуха поглядела на него с умудренной улыбкой, не сказав ни слова, и сразу заставила его почувствовать, как он глуп. Он оторвал клоч мышцы от растерзанной ляжки и спустился на уступ. Солнце стояло над долиной меж гор, и он бездумно ощутил, что скоро уже наступит время, когда день кончится. Дневная пора прошла так быстро, что он чувствовал огорчение, будто что-то потерял. Он отвлекся, смутно увидал отлог, когда его и Фа здесь не было. Мал и старуха ждали, она думала про болезнь Мала, он задыхался и ждал, когда Ха принесет дрова, а Лок еду. Вдруг Лок понял, что Мал не был уверен в успехе, посылая их добывать еду. Но все равно Мал мудр. Хотя при мысли о мясе Лок опять преисполнился самомнения, все же он знал, что Мал не был уверен в успехе, и ему вдруг стало зябко, как от холодного ветра. Потом знать это сделалось почти так же трудно, как думать, в голове скопилась усталость, он стряхнул ее с себя, и сразу возродился тот беспечный, радостный Лок, что привык слушаться старших и доверяться их попечению. Ему вспомнилась старуха, такая близкая к Оа, знающая так неизъяснимо много, хранительница недоступных глубин, которой открыты все тайны. Он опять почувствовал благоговейный страх, и радость, и облегчение.

Фа сидела у костра и обжаривала на пруте кусочки мяса. Прут обгорал, мясо плевалось и шипело на огне, и она обжигала пальцы, когда снимала кусок, чтоб его съесть. Старуха склонилась над Малом и поливала его лицо водой из пригоршней. Лику сидела, опираясь спиной о скалу, малая Оа покоилась у нее на плече. Теперь Лику ела не спеша, она вытянула ноги, и живот ее красиво округлился. Старуха подошла, присела возле Фа и глядела, как из желудка, сквозь сутолоку пузырей, вьется пар. Она выхватила всплывший кусочек, ловко подбросила на ладони и сунула в рот.

Люди молчали. Жизнь обрела полноту, уже не надо беспокоиться о еде, на завтра припасов хватит, а день, который придет потом, так далек, что никому не хотелось о нем думать. Жизнь целиком претворил в себе утоленный голод. Скоро Мал поест нежного мозга. Сила и проворство козы вольются в него. Таким чудесным представлялся этот дар людям, что у них не было надобности разговаривать. Они погрузились в долгое молчание, которое внешне могло бы показаться проявлением отрешенной скорби, если б не мерно жующие челюсти с игрой мускулов под скулами, отчего слегка подрагивали завитки на висках покатых голов.

Лику уронила голову на грудь, и малая Оа упала с ее плеча. Пузырьки суетливо всплывали из горловины желудка, растекались по кромке, облачко пара взмывало вверх и отлетало в сторону, где его развеивал горячий воздух над большим костром. Фа взяла прут, окунула его в кипящее варево, лизнула конец и повернулась к старухе.

– Уже скоро.

Старуха тоже лизнула прут.

– Надо напоить Мала горячей водой. Вода от мяса дает силу.

Фа сморщила лоб и разглядывала желудок. Она положила ладонь себе на макушку.

– Я вижу.

Она взобралась на утес и указала назад, туда, где виднелись лес и море.

– Я возле моря, и я вижу. Вижу так, как еще не видел никто. Я... – она скривилась и нахмурила брови, – ...думаю. – Она вернулась к костру и присела возле старухи. Медленно качнулась из стороны в сторону. Старуха опустила одну руку и уперлась в землю костяшками пальцев, а другой рукой поскребла шею под нижней губой. Фа заговорила опять: – Я вижу, как люди у моря очищают ракушки. Лок вытряхивает из ракушки гнилую воду.

Лок заболботал, но Фа прервала его:

– ...а еще Лику и Нил... – Она помолчала в смятении, потому что видела все уж очень живо и подробно, не зная, как разглядеть за этим важный смысл, который угадывала чутьем. Лок засмеялся. Фа отмахнулась от него, как от мухи. – ...воду из ракушки.

Она выжидательно поглядела на старуху. Потом вздохнула и начала снова:

– Лику в лесу...

Лок со смехом указал на Лику, которая спала, примостившись у скалы. Тогда Фа шлепнула его, будто хотела унять ребенка, висящего у нее на спине.

– Я вижу так. Лику идет через лес. И несет малую Оа...

Она пристально смотрела на старуху. Потом Лок заметил, как напряжение исчезло с ее лица, и понял, что они соперещивают видение. Все это он увидал тоже, нелепое скопище ракушек, и Лику, и воду, и отлог. Он заговорил:

– Возле гор нету ракушек. В ракушках живут только улитки, мелкий народ. Там они как в пещерах.

Старуха клонилась к Фа. Потом откачнулась, оторвала от земли обе руки и неуверенно уселась на свой тощий зад. Медленно, безмолвно лицо ее переменялось, как бывало порой, если Лику вдруг забредала слишком далеко в сторону, где заманчиво сверкала ядовитая ягода. Фа понурилась и закрыла лицо руками. Старуха сказала:

– Это новое.

Она покинула Фа, которая нагнулась над желудком и стала помешивать там прутом.

Старуха протянула руку к Малу и осторожно подергала его за ногу. Мал открыл глаза, но не пошевелился. Возле его рта слюна растеклась по земле маленьким темным пятнышком. Солнечные лучи косо падали на отлог из-за долины, откуда всегда приходила ночь, и ярко освещали Мала, так что тени протянулись от него во всю длину костра. Старуха притронулась губами к его голове:

– Поешь, Мал.

Мал, тяжело дыша, приподнялся на локте:

– Воды!

Лок сбегал к реке, принес воду в пригоршнях, и Мал напился. Потом Фа встала на колени с другого бока, чтоб он мог на нее опереться, а старуха взяла палку, окунула ее в бульон много раз, больше, чем пальцев у всех людей в мире, и вложила ему в рот. Он дышал так часто, что едва успевал глотать. Наконец он стал вертеть головой, уклоняясь от палки. Лок принес еще воды. Фа со старухой бережно уложили Мала на бок. Он перестал их замечать. Они видели, как глубоко таится его мысль и как она неотступна. Старуха стояла у костра и глядела на Мала. Они видели, что она уловила проблески его затаенного чувства и лицо у нее стало мрачнее тучи. Фа сорвалась с места и побежала к реке. Лок угадал по движению ее губ:

– Нил?

Он догнал Фа в вечерних сумерках, и они вдвоем пристально осмотрели утес над рекой. Нил там не оказалось, Ха тоже, а лес за водопадом уже застилала темнота.

– Они несут слишком много дров.

Фа издала звук, выражавший согласие.

– Но большие дрова они понесут по склону. Ха много видит. Носить дрова через утес плохо.

Потом они почувствовали, как старуха глядит на них и думает, что только она понимает переживания Мала. Они вернулись назад, и лица их помрачнели. Девочка Лику спала у скалы, ее округлый живот поблескивал при свете костра. Мал не шелохнулся ни разу, но глаза его были открыты. Последние лучи солнца быстро угасали. С утеса над рекой долетел глухой топот, потом с грохотом посыпались камни и кто-то торопливо обогнул поворот. Нил бежала к ним по уступу с пустыми руками. Она выкрикнула только два слова:

– Где Ха?

Лок глупо уставился на нее.

– Несет дрова вместе с Нил и новым человечком.

Нил мотнула головой. Она дрожала всем телом, хотя стояла так близко от костра, что могла бы дотянуться до него рукой. Потом быстро заговорила, обращаясь к старухе:

– Ха не вместе с Нил. Гляди!

Она обежала уступ, показывая, что там никого нет. Потом вернулась обратно. Зорко оглядела отлог, ухватила кусок мяса и вцепилась в него зубами. Новый человечек у нее под гривой проснулся и высунул головку наружу. Тогда она вынула мясо изо рта и пристально посмотрела каждому в лицо:

– Где Ха?

Старуха положила ладони себе на макушку, поразмыслила немного над этой новой загадкой и отступила. Она присела на корточки возле желудка и стала вылавливать оттуда мясо.

– Ха собирал дрова вместе с тобой.

Нил пришла в неистовство:

– Нет! Нет! Нет!

Она то приседала, то вскакивала. Груды ее колыхались, и на сосках выступило молоко. Новый человечек принялся и переполз через ее плечо. Она ухватила его обеими руками так грубо, что он пискнул, потом стал сосать. Она присела на скалу и окинула людей тревожным взглядом.

– Надо, чтоб вы увидели. Мы складываем дрова в кучу. Около большого мертвого дерева. На голой земле. Мы разговариваем про козу, которую принесли Фа и Лок. Мы смеемся.

Она взглянула вверх костра и вытянула руку.

– Мал!

Его глаза обратились к ней. Дышал он все так же тяжело. Пока Нил рассказывала, новый человечек сосал ее грудь, а солнечные блики на воде у нее за спиной померкли.

– Потом Ха идет к реке попить, и я остаюсь возле дров. – Ее лицо затуманилось, такое лицо было у Фа, когда она видела подробности, которые не умещались у нее в голове. – И еще он идет справить нужду. А я остаюсь возле дров. Но он кричит: «Нил!» Я встаю, – она изобразила это, – и вижу, как Ха бежит вверх к утесу. Бежит и хочет догнать. Он оглядывается и чувствует радость, потом испуг и радость – вот так! И я уже не вижу Ха. – Они устремили глаза на утес вслед за ее взглядом и не увидели Ха. – Я все жду, жду. Потом иду к утесу, чтоб найти Ха и вернуться к дровам. На утесе нету солнца.

Шерсть на ней встала дыбом, зубы оскалились.

– На утесе запах. Два. От Ха и от другого. Это не Лок. Не Фа. Не Лику. Не Мал. Не она. Не Нил. Это другой запах, он ничей. Вверх по утесу и назад. Но запах Ха кончается. Ха взобрался на утес и прошел над хвостатыми травами, а солнце село. И потом ничего.

Старуха стала снимать дернины с желудка. Она сказала через плечо:

– Ты видела это во сне. Другого нету в мире.

Нил опять забормотала с тоской:

– Не Лок. Не Мал... – Принюхиваясь, она обогнула скалу, подошла вплотную к повороту, за которым скрывался утес, вернулась назад, и шерсть на ней стояла дыбом. – Там кончился запах Ха. Мал!..

Остальные серьезно обдумывали видение. Старуха открыла желудок, откуда валил пар. Нил перепрыгнула через костер и стала на колени подле Мала. Она дотронулась до его щеки.

– Мал! Ты слышишь?

Мал ответил, преодолевая одышку:

– Слышу.

Старуха принесла мяса, и Нил взяла кусок, но есть не стала. Она ждала, когда Мал опять заговорит, но старуха сказала вместо него:

– Мал очень болен. Ха видит много. А теперь ешь, и тебе будет хорошо.
Нил завизжала на нее с такой яростью, что остальные перестали жевать:

– Ха нету. Запах Ха кончился.

Сначала никто не шевелился. Потом все повернулись к Малу и стали глядеть на него. С огромным трудом он оторвал тело от земли и сел, едва удерживая равновесие. Старуха открыла рот, порываясь заговорить, но опять закрыла. Мал положил ладони себе на макушку. Теперь ему стало еще трудней удерживать равновесие. Он начал беспокойно дергаться.

– Ха ушел к утесам.

Он закашлялся, его слабое дыхание прервалось. Все ждали, и он опять задышал быстро, захлеб.

– Там запах другого.

Он придавил голову обеими руками. По телу его пробежала дрожь. Он быстро выдвинул одну ногу и уперся в землю пяткой, чтоб не упасть. Люди ждали в красном зареве заката и костра, а пар от бульона струился вверх и вместе с дымом исчезал в темноте.

– Там запах других.

На миг он затаил дыхание. Потом они увидели, как его обессиленные мышцы расслабились и он повалился на бок с таким безразличием, будто боль от ушиба была ему нипочем. Они уловили его шепот:

– Я этого не вижу.

Даже Лок молчал. Старуха ходила к утесу и принесла дров, двигаясь как во сне. Она все делала ощупью, глаза ее были устремлены вдаль, мимо людей. Люди не могли видеть то, что видела она, и поэтому стояли неподвижно, в растерянности пытались представить себе жизнь без Ха. Но Ха был среди них. Они знали каждую его черточку, каждый взгляд, его особенный запах и умудренное, безмолвное лицо. Его палица лежала у скалы, гладкая на конце, который он совсем недавно сжимал горячей рукой. Знакомая скала ждала его, и перед ними там, где он всегда сидел, на земле была отчетливая вмятина. Все это совместилось в голове Лока. Сердце его дрогнуло, он обрел такую силу, будто мог напряжением воли вернуть Ха людям прямо из воздуха.

Нил вдруг сказала:

– Ха ушел.

Четыре

С удивлением смотрел Лок, как вода текла из ее глаз. Вода эта копилась у краев глазных впадин, а потом крупными каплями падала на губы и на нового человечка. Вдруг она убежала к реке и огласила ночь воем. Он увидел, как из глаз Фа тоже падают капли, поблескивая при свете костра, а потом она оказалась рядом с Нил и выла над рекой. Лок по многим признакам чувствовал, что Ха еще здесь, это чувство стало теперь особенно сильным, неудержимым. Он подбежал, схватил Нил за руку и рывком повернул к себе.

– Нет!

Она сжала нового человечка так грубо, что он запищал. Капли все катились по ее лицу. Она зажмурилась, открыла рот и опять завывала жалобно и протяжно. Лок встряхнул ее с яростью:

– Ха не ушел! Гляди...

Он бегом вернулся к отлогу и указал на палицу, скалу и вмятину в земле. Ха был повсюду. Лок скороговоркой объяснял старухе:

– Я вижу Ха. Я его найду. Как мог Ха встретить другого? Ведь другого нету в мире...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.